

Трех-четырёхлетний ребенок блуждал на улице холодной зимней ночью, не возвращаясь домой, а родители не только не беспокоились, но и собирались его наказывать. Это было для него откровением. Он не знал, из-за чего Лу Фань ночью один оказался в том переулке и случайно спас ему жизнь. Но даже если ребенок самовольно ушел из дома, старшим все равно негоже не искать его на улице.

Взглянув на малыша, который покорно встал в круг, нарисованный старухой, Се Чэньцзе почувствовал волну жалости. С детства он сам был любимым и балованным ребенком своих родителей, поэтому знал, что дети в возрасте Лу Фаня обычно носят на руках. Он считал само собой разумеющимся, что ребенок такого возраста должен быть обласкан. Но вид Лу Фаня в этот момент перевернул все его представления, и на душе стало невыразимо тяжело.

Се Чэньцзе вырос под строгим воспитанием своего деда и с большим уважением относился к старшим. К тому же он здесь был чужаком, да еще и попавшим в беду. Ему не подобало вмешиваться, поэтому он просто встал рядом с Лу Фанем, составив ему компанию в наказании.

Лу Фань, увидев это, склонил голову набок и спросил с недоумением:

— Старший брат, ты тоже будешь стоять? Почему?

— Составлю тебе компанию, — кратко ответил Се Чэньцзе, и его взгляд, встретившись с чистыми, почти прозрачными черными глазами ребенка, мелькнул непроизвольной нежностью, которую он сам не заметил.

— Старший брат не провинился, не надо стоять со мной в наказание, — с необычайной серьезностью ответил маленький Лу Фань, вращая своими черными, как бусинки, глазами. — Если долго стоять, ноги затекут. Старший брат, лучше принеси скамеечку и садись, так удобнее.

Се Чэньцзе не пошел искать, где сесть. Он лишь нежно погладил маленькую головку Лу Фаня и сказал:

— Старший брат будет рядом. Если ноги затекут, можешь опереться на меня.

Услышав эти слова, Лу Фань обрадовался и, забывшись, придвинулся к Се Чэньцзе. Но едва коснувшись теплой груди, он тут же отпрянул и замотал головой:

— Нельзя, нельзя. Бабушка увидит — рассердится.

— Тебя часто бабушка так наказывает? — Лу Фань был маленького роста, лицо худое, тщедушное тельце обтянуто грязной одежкой — с первого взгляда было видно, что о ребенке плохо заботятся. Бегло осмотрев дом семьи, простой и скромный, можно было с закрытыми глазами догадаться, что живут они небогато, даже, можно сказать, в нужде.

— Угу, Фань непослушный, бабушку злю, — сказал он, и яркий блеск в его глазах мгновенно померк, словно он вспомнил что-то неприятное. Се Чэньцзе стало его жалко, и он, чтобы отвлечь, вдруг ущипнул мальчика за щечку:

— Фань, хочешь, старший брат покажет тебе волшебство, чтобы ты пораздовался?

— Волшебство? Что такое волшебство?

Что такое волшебство, Се Чэньцзе и сам толком объяснить не мог. Он знал, что это всего лишь

фокус, которому его в детстве научил папа, чтобы его развеселить. Поэтому, глядя на ожидающее личико Лу Фаня, он дал уклончивый ответ:

— Волшебство — это очень удивительная штука.

— А что такое удивительное?

Се Чэньцзе провел рукой по лбу. Он был готов поспорить, что если продолжит объяснять этому ребенку, этот почемучка обязательно засыплет его сотнями почему. Поэтому он просто замолчал и решил ответить на вопрос любознательного малыша действием.

Он развернул обе ладони перед Лу Фанем и сказал серьезным тоном:

— Смотри внимательно, у меня в руках ничего нет, верно?

На ладонях Се Чэньцзе, кроме четких линий, действительно ничего не было. Лу Фань честно кивнул.

— Смотри же. Сначала в руке ничего не было, но если я вот так встряхну, потрясу, а потом сожму кулак... как думаешь, что у меня появится в руке?

Лу Фань смотрел очень внимательно, не моргая. Он не разглядел, как мелкие камешки с земли оказались в руке старшего брата, но точно видел, что в сжатой ладони лежит маленький камушек. Поэтому он поднял личико и уверенно сказал:

— Камушек!

Се Чэньцзе не ожидал, что фокус, которым он гордился перед друзьями, раскусит ребенок лет трех с половиной. Он был немного ошарашен, но быстро утешил себя: этому парнишке просто повезло. Если повторить еще раз, не верил, что ему снова так повезет!

Лу Фэй проспал до полудня и, зевая, вышел из дома. Увидев Лу Фаня, стоящего на привычном месте, он по привычке подошел, чтобы подразнить. Но сделав пару шагов, он почувствовал неладное. Хотя Лу Фань и стоял в круге, нарисованном бабушкой, на его лице сияла довольная улыбка, совсем не соответствующая положению наказанного. Эта давно не виданная лучезарная улыбка резанула глаза Лу Фэю!

— О, о! Лу Фань, ты, приносящий несчастья, из-за которого умерла мама! Я сейчас бабушке расскажу, ты... — слова Лу Фэя застряли в горле. Он почувствовал, как на него накатила ледяная струя холода, и весь затрясся.

Хотя Лу Фэй обычно, пользуясь любовью и защитой Бабушки Лу, вел себя высокомерно и нагло перед Лу Фанем, в душе он был трусом и задира только слабых. Столкнувшись с Се Чэньцзе, который был на несколько голов выше и стоял рядом с Лу Фанем, он внутренне затрепетал. Однако привычка заставляла его держаться и выпрямить спину:

— Т-ты кто? Почему ты в нашем доме?

Се Чэньцзе, привыкший к легкой жизни, но не раз получавший отпор от Лу Фаня, в душе копилось раздражение. И вот тут сам напросился бестактный Лу Фэй. Се Чэньцзе, естественно, выплеснул на него всю свою досаду.

Се Чэньцзе с детства воспитывался дедом, переняв от него многое. Его холодный взгляд мог

заставить дрогнуть даже смельчака. И Лу Фэй действительно дрогнул. Он, пошатываясь, побежал в комнату, не забывая позвать подмогу:

— Бабушка! Бабушка!

— Старший брат... — Лу Фань впервые видел, как его третий брат проявляет перед ним такой испуг и растерянность, и сам не знал, как реагировать.

Услышав мягкий, вкрадчивый голосок ребенка, зовущий его, ледяной взгляд Се Чэньцзе мгновенно смягчился. Он присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с Лу Фанем, и спросил мягким голосом, которого сам в себе не замечал:

— Фань Фань, как насчет того, чтобы старший брат пожил у вас какое-то время?

Хотя это был вопрос, Се Чэньцзе сказал его утвердительно, будто бы независимо от ответа Лу Фаня, он останется.

Он понял, что ребенок, спасший ему жизнь, в этой семье не пользовался любовью ни старших братьев, ни взрослых. Более того, судя по отношению старухи, та не только не жаловала этого ребенка, но и питала к нему неприязнь, даже ненависть. Он не понимал, откуда такая ненависть, но ясно чувствовал щемящую жалость. Раз ему удалось отделаться от тех опасных людей и сейчас ему ничего не угрожает, можно остаться. Остаться и ждать, когда его разыщет дед.

Не в силах удержаться, он поднял ребенка с земли и большими шагами направился к выходу:

— Фань Фань, хватит стоять. Старший брат поведет тебя вкусно поесть!

— А? Но...

...

В те времена товары были еще скудны, и в таком отдаленном городке нельзя было найти приличный ресторан. Се Чэньцзе прошелся вокруг и увидел только две забегаловки. Выбрав ту, что выглядела чуть чище, он вошел внутрь, неся Лу Фаня на руках.

Для Лу Фаня это был первый раз, когда он был в таком заведении. Его большие черные, как черный лай, глаза с любопытством бегали по сторонам. Когда взгляд упал на соседний столик, где стояла тарелка с соблазнительно глянцево-красной тушеной свининой, он прилип к ней. Даже не заметил, как с приоткрытых влажных губок потекла подозрительная серебристая ниточка слюны.

— Маленький обжорка! — Се Чэньцзе, заказав еду, снова взял Лу Фаня на руки и пальцем вытер слюнку с его уголка рта. Ребенок на руках был болезненно худым, лицо слегка желтоватым — с первого взгляда было видно, что о нем плохо заботятся. На душе у Се Чэньцзе стало кисло, и он только думал, что когда еда придет, нужно обязательно заставить ребенка побольше поесть.